

Это ужэ ос'ен'у н'ер'естуца. Когда двойнаа вода, сохс'эм н'е осыхаэт. Ножна называэца. Обдэлаут шкура, потом ровдок называут. Два шкура обд'ёываут и с'ут кукул'. Тут кол'а (колья) з'д'элаут.

Таким образом, проанализированный материал позволяет сделать следующие выводы:

1. Говор двуязычных ительменов п. Ковран является окающим.
2. Гласные *E, A* после мягких согласных реализуются как [и] (иканье), так и [е] (еканье), а в некоторых случаях – как [а] (яканье).
3. Яркой фонетической чертой является смешение звуков [и] и [ы], а также произношение среднего звука [и^п] или [ы^п].
4. Наблюдается спорадическая лабиализация гласных.
5. Звук [в], как правило, губно-зубной, но он может чередоваться с губно-губным [w].
6. Фонема <л> имеет четыре аллофона: типичные для литературного языка [л] и [л'], а также средненёбные [l] и [l'].
7. Отмечается неразличение свистящих и шипящих звуков [с] и [ш], [з] и [ж], аффрикат [ч'] и [ц], совпадающих в [ц] (т.е. цоканье).

ЛИТЕРАТУРА

1. Исаев М.И. Словарь этнолингвистических понятий и терминов. М.: Флинта: Наука, 2001.
2. Орлова Е.П. Историко-этнографический очерк. СПб.: Наука, 1999.
3. Рябинина Н.И. Русские говоры Дальнего Востока. Комсомольск-на-Амуре, 1996.
4. Глушченко О.А. Лингвистическое краеведение: камчатские говоры. Учебно-методическое пособие. Петропавловск-Камчатский: Изд-во КГПУ, 2004.
5. Браславец К.М. Диалектологический очерк Камчатки // Ученые записки Хабаровского гос. пед. института. Том XIV. Южно-Сахалинск, 1968.
6. Жидяевский М.А. Камчадалский диалект. Его происхождение и краткая характеристика // Советский Север. 1930. №2.
7. Даль В.И. О наречиях русского языка. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1956.
8. Кузмищев П.Ф. Собрание особенных, или имеющих другое значение слов и некоторых выражений, употребляемых в Камчатке // Москвитянин. Ч. 2. 1842. № 3.
9. Саблина Н.П. Русские говоры Камчатки (фонетика). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966.
10. Селищев А.М. Диалектологический очерк Сибири. Выпуск 1. Иркутск, 1921.
11. Селищев А.М. Диалектологический очерк Сибири // Селищев А.М. Избранные труды. М., 1968.
12. Тюшов В.Н. По западному берегу Камчатки / Записки Императорского Географического общества. Т. 37. Санкт-Петербург, 1906. № 2.

Л.А.Полищук

СИСТЕМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЛЕКСИКЕ КАМЧАТСКИХ ГОВОРОВ

(на примере наименований обуви с голенищами,
подгруппы «Названия торбазов»)

Современный этап развития диалектологии характеризуется утверждением системного подхода к изучению словарного состава русских народных говоров. «Исследовать лексику диалекта как систему – это значит исследовать состав и отношения элементов внутри тематических, лексико-семантических групп, изучать вопросы варьирования, исследовать семантические и экспрессивно-стилистические связи, отношения оппозиции, проявляющиеся в отношениях синонимии, омонимии, в отношениях общего и частного, в различной сфере употребительности; это значит исследовать связи и отношения активного и пассивного запасов лексики, слов диалектных и общенародных, терминологической (специальной) и нетермино-

логической (неспециальной) лексики» [1, с. 15]. Цель статьи – описать системные отношения в лексике камчатских говоров на материале родо-видовой группы (РВГ) «Наименования обуви с голенищами».

РВГ «Наименования обуви с голенищами» включает 35 лексических единиц общерусского и диалектного характера: *торбазá, торбасá, торбажá, тóрбасы, торбазá йóхтовые, торбазá гóлые, голíцы, торбазá кáмусные, кáмасы, кáмусы, камасá, кáмаши, торбазá бродóвые, брóдни, брóдники, сутúри, брóдни горлóвые, алáчики, алáцики, йчиги, чиркí, унтý, кúлты, сапогí, сапогí резíновые, резíнки, сапогí болóтные, болóтники, сапогí хрóмовые, сапогí кíрзовые, кирзачí, сапогí ялóвые, вáленки, кáтанки, начёсанки*. В их значении вычленяется интегральная сема (ИС) «обувь с голенищами». Противопоставляются слова сематами, обозначающими 1) вид материала: из шкур животных (дифференциальная сема – ДС₁), не из шкур животных (ДС₂); 2) способ изготовления: ручного производства (ДС₃), фабричного производства (ДС₄).

Соотношение семного и лексемного состава данной РВГ можно представить следующим образом:

Семема	Лексема
1. Обувь с голенищами (ИС), сшитая ручным способом (ДС ₃) из шкур животных (ДС ₁)	торбазá (торбасá, торбажá, тóрбасы, торбазá йóхтовые, торбазá гóлые (голи́цы), торбазá кáмусные, торбазá бродóвые), кáмасы (кáмусы, камасá, кáмаши), брóдни (брóдники, брóдни горлóвые), сутúри, алáчики (алáцики), йчиги, чиркí, унтý, кúлты
2. Обувь с голенищами (ИС) фабричного производства (ДС ₄), сшитая из различных материалов (ДС ₂)	сапогí (сапогí резíновые, резíнки, сапогí хрóмовые, сапогí кíрзовые (кирзачí), сапогí ялóвые), болóтники, вáленки, кáтанки, начёсанки

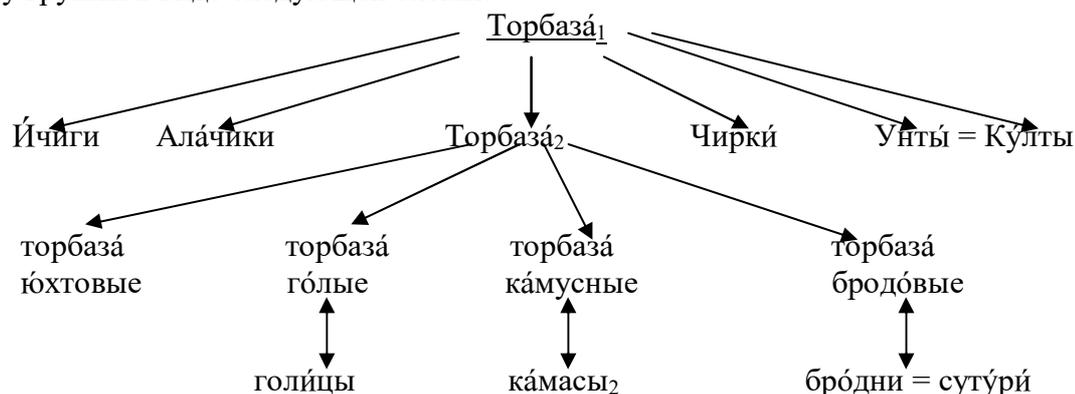
Гиперонима в этой РВГ нет, все ее члены, кроме ИС, имеют ДС в значении, которыми и противопоставляются.

Широкая по объему группа «Названия обуви с голенищами» членится на две подгруппы: 1. «Названия торбазов»; 2. «Названия сапог». В основу членения положены два дифференциальных признака (ДП): «исходный материал» и «способ изготовления» (первая характеризуется ручным способом изготовления; обувь второй подгруппы обычно покупается в магазине, т.е. она фабричного изготовления).

В данной статье анализируются лексемы, входящие в подгруппу «Названия торбазов».

Подгруппа «Названия торбазов» включает следующие лексемы: *торбазá : торбасá : торбажá : тóрбасы, торбазá йóхтовые, торбазá гóлые : голíцы, торбазá кáмусные : кáмасы : кáмусы : камасá : кáмаши, торбазá бродóвые : брóдни : брóдники = сутúри, брóдни горлóвые, алáчики : алáцики, йчиги, чиркí, унтý = кúлты*, вступающие в вариантные, синонимические и гиперо-гипонимические отношения. ДС₁, ДС₃ объединяют эти слова в одну подгруппу.

Возглавляет группу гипероним торбазá₁, имеющий в своем значении ИС. Представим структуру группы в виде следующей схемы:

Лексема *торбазá* в говорах камчадалов функционирует в двух значениях: 1. Общее наименование обуви, сшитой из шкур животных (в схеме *торбазá₁*). 2. Обувь, сшитая из оленьих шкур, шерстью наружу (в схеме *торбазá₂*).

Первое значение лексемы можно считать родовым. Присвоить данной лексеме статус гиперонима нам позволил исследованный языковой материал: *Кáмусы – это миховые торбазá. Кáмасы – ис кожи торбазá, только лохматые. Галíцы – это такие торбазá как и кáмасные, только без йетих, без меха* (Млк.); *А на рыбалку сапок не было, носили брóдни, по две шкуры шшитые, длинные такие торбазá. Алáчики – торбазá, ф которых за бараном на каменные скалы лазили, на подошву понашивы делали. Ёчиги шшили, торбазá называют ис скурры, ис корóвника, телёнка. Ёчиги музикам сыла – это торбазá до коленей, на охоту ходит* (Клч.); *Ис короф сили торбазá для рыбалки, брóдни называца* (Ссн.). Из контекстов видно, что слова вступают в родо-видовые отношения. Лексема *торбазá₁* зафиксирована в ста контекстах, отмечена в говорах двенадцати населенных пунктов: Длн., Клч., Квр., Млк., Нкл., Прт., Ссн., Слт., Сбл., Тгл., У-К., У-Б.

Лексема *торбазá₂* зафиксирована в ста шестидесяти контекстах, отмечена в говорах семнадцати населенных пунктов: Анв., Длн., Клч., Квр., Кзр., Кмн., Мал., Млк., Нкл., Прт., Ссн., Слт., Сбл., Тгл., У-К., У-Б., У-Х.. Зафиксированы следующие варианты: *торбасá, торбажá, тóрбасы*. Наличие данного значения подтверждается контекстами: *Торбазá олени носили зимой, обизательно из осóки стельки делали. И шшили торбазá иш шкуры, а подошва из медвежсей шкуры. Торбазá олени носили, тёплые зимой, и туда осóку, торбазá иш шкуры* (Млк.); *Раньсе носили торбазá с оленя, миховые они были, торбазá для зимы* (У-Б.); *Брóдни длинные, торбазá короткие, торбазá мехом сверху. Торбазá из оленьих скур, мехом сверху. Зимние торбазá шшиты мехом наружу, не промакали. Торбазá из оленя ноги, как сапоги шерстью верх* (Квр.); *Торбазá – это такие ис кáмаса сделаны, с оленя шкуры* (Клч.); *Обуфка тоже была с олених шкур, торбазá назывались* (Тгл.); *Торбазá михавые, зимой в них ходили, у торбазóф мех наружу* (Кзр.).

В этом же значении лексема представлена в «Словаре русского языка» (1957): «Торбасá (торбáсы, торбазá). Мягкие сапоги из оленьих шкур шерстью наружу» [2, т. 4, с. 526]. Обратим внимание, что лексема *торбазá* в литературном языке (ЛЯ) отмечена как вариантная к *торбасá*, в говорах камчадалов она имеет статус основной единицы.

Вариант *торбасá* зафиксирован в двадцати двух контекстах, отмечен в семи населенных пунктах (Длн., Квр., Кзр., Клч., Кмк., Млк., Нкл.), является общерусским лексико-фонетическим вариантом слова *торбазá*: *Ходили ф торбасáх, сили сами, ну ф сирую погоду носили брóдни* (Квр.); *Пот торбасá прёкопотки адевал из ваты и матерьяла* (Нкл.); *На охоту одивали тёплые торбасá. Сами шшили торбасá, они не намокали* (Млк.).

Лексико-фонетический вариант *торбажá* зафиксирован в семи контекстах, отмечен в говорах пяти населенных пунктов (Елз., Квр., Кхч., Сбл., Тгл.): *Коротки торбожá – дымлёнки, на шенокос надивают, они лёхкие*. Тгл. *Из олений с^шкуры вот торбажá вот йети, вот такие длинные. Хорос^шые торбажá, подошва из йетой из нёрницей с^шкуры* (Сбл.); *А на рыбалку шшили длинны таки торбажá* (Сбл.); *Шшили эти торбажá мужыкам, рыбакам* (Кхч.); *Жимой ф камáшах, летом ф торбажáх* (Елз.).

Лексико-фонетический вариант *тóрбасы* зафиксирован в трех контекстах, отмечен в говоре одного села (Млк.): *Брóдни – эта тозе тóрбасы, только долгие. Раньше только тóрбасы носили. Тóрбасы иш шкуры шшили* (Млк.).

Анализируемая лексема чаще всего актуализируется в речи камчадалов в форме мн. ч., отмечены единичные фиксации формы ед.ч. *Онúчка называли портянку, в йетот тóрбас стельку клали, тепло было* (Кзр.); *Поверх тóрбаса наколенники одеют, стоп снек не попал* (Нкл.); *Сучили нитки длинны по два метра на один тóрбас. Шшили йето наколенники, вот тоже в мокрую погоду на тóрбас надевают, тоже ис скурки оленя* (Млк.).

Большой ареал распространения затрудняет восстановление языка-источника данной лексемы. Но многие ученые говорят о сибирском происхождении лексемы. Так, напр., В.И.Даль в словарной статье на слово *торбасá* делает помету *сиб.* [3, т. 4, с. 418].

О.Т.Бархатова также считает его сибирским по происхождению: «Анализ бытовой лексики говоров камчадалов показал, что в своей основе она является общенародной, сформировавшейся на базе лексики сибирских говоров, которые связаны с языковым комплексом севернорусского наречия. Некоторые из записанных нами у камчадалов слов встречаются в исследованиях сибирских говоров... Сибирскими по происхождению являются такие слова, как торбаса...» [4, с. 38]. А.А.Бурыкин считает лексему *торбас* заимствованной из якутского языка: «...слово торбас «название зимней обуви», заимствованное из якутского языка, известно далеко за пределами зоны русско-якутских контактов» [5, с. 49], что подтверждается и другими источниками: в якутском языке сапоги из оленьего меха, шерстью наружу обозначаются лексемой *этэrbэс* [6, с. 289].

Проанализированные контексты позволяют сделать вывод об универсальности данного вида обуви. Торбазы могли носить и мужчины и женщины, как летом, так и зимой, и шилась эта обувь не только из шкуры оленя. Поэтому при толковании данной лексики мы обнаружили множество ДС, что осложнило выделение общего значения слова. Так, в значении актуализируются следующие семные компоненты: 1) сезонность использования; 2) материал изделия; 3) атрибутивная принадлежность изделия лицу определенного пола. Приведем контексты, подтверждающие наше утверждение: *Торбазá летнии и зимнии. Летнии из лёхой кожсы, а для зимних кожа потолце. И длинные, и короткие торбазá ис скурок, мех убирают – летние* (Млк.); *Летние торбазá из лёхой кожсы, лёгоньки были* (Клч.); *Торбазá летние – шерсть снимают, хоц^чишь красили ц^чорный и продубят ольховой корой. Зимние торбазá шыли мехом наружу, не промакают. Торбазá зимние – эта с ноги, из олений ноги. Летом торбасá лёгоньки, полозут ф подвал попарица и ч^через нидельку тонки, всё снимеца* (Квр.); *Торбазá были летние и зимние* (Тгл.). Итак, летние и зимние торбазы отличались качеством материала, из которого они шились. ДП, по которому данные виды торбазов противопоставляются, – «наличие / отсутствие меха». Летние торбазы шили из шкуры без меха, а зимние были меховыми.

Анализ материалов позволяет говорить о двух ДП, положенных в основу противопоставления женских и мужских торбазов:

1) особенности завязок (женские с – оборкой, а мужские с – опушкой): *У женщин торбазá с оборкой, она их затягивала, а у мужикоф с опушкой. Женщины с оборочкой – затягивали, а у мужикоф с опушкой сверху; опушечка – эта шкурочка тоненькая и затягивали* (Млк.);

2) длина голенища (мужские торбазы длиннее женских): *Женщинам шыли из барана, мяхче, мушские торбазá длинные. Торбазá шыли мушские и женские, мушские длинные* (Млк.); *Торбазá и длинные, и короткие* (Кзр.); *Носили торбазá, мех внутри, мужыкам длинные, женщинам – короткие* (У-Б.).

Указание на особенности длины женской и мужской обуви мы находим в книге С.П.Крашенинникова: «Мужская обувь от женской вообще разнствует тем, что у мужской голенища коротки, а у женской по колено долги, впрочем шьется из различных кож» [7, т. 1, с. 46]. Данные С.П.Крашенинникова противоположны полученным нами сведениями о мужской и женской обуви. По нашему мнению, женщинам не нужны были высокие сапоги, так как они не занимались промысловой деятельностью, поэтому мы не будем отказываться от дифференциации женских и мужских торбазов по признаку длины.

Исследованные контексты показали, что торбазы чаще всего шили из шкуры оленя, но камчадалы использовали для торбазов и шкуры других животных: *Делали из оленьей шкуры, медвежый торбазá. Торбазá ис шкур, подошва медвежья, а верх олений или бараний. Скотину имели, скотину забивали, а шкуру на торбазá. Торбазá ис скуры любой сили. Сыли торбазá, убьёт хозяин бычка, оленя – обделать надо. Торбазá ис коровьей кожсы шыли, типа как сапоги, только подошва кожаная. Камусные торбазá ис камоса. Лытки оленьи абдирают, выделяют и шьют торбазá* (Млк.); *Торбазá носили очень тёплые, с^шыли ис^ш камуса, по другому – э^ш тос^ш кура с^ш нок оленя* (Квр.).

Торбаза, сшитые из кожи домашнего скота, получили составное наименование *торбаза́ юхтовые*, в котором атрибутивный компонент указывает на особенность материала, применяемого для их изготовления. *Говорили: шей себе юхтовые торбаза́ с оборками, ис кожи вырезали, лёхкие были* (Млк.). Прилагательное *юхтовый* образовано от существительного *юхта*, которое в говорах камчадалов функционирует в значении «кожа домашнего скота»: *Шкура называлась юхта – блестящая, готовая на сапоги, может с коровы, может со свињи* (Млк.); *А это простая юхта, это ис коровы или быка кожи* (Длн.); *Сапоги шыли из юхты, йеё выделывали ис козы козла* (Нкл.).

Слово *юхта* (как и наименование торбаза́ юхто́вые) отсутствует в словарях ЛЯ, что позволяет отнести его к диалектным. Но слово известно другим говорам. Так, напр., в словаре В.И.Даля оно имеет следующее значение: «Юфть или юхть. Кожа рослого быка или коровы, выделанная по русскому способу, на чистом дегтю» [3, т. 4, с. 670]. Наличие дифференциальной семы «из кожи быка, коровы» сближает приведенное значение слова со значением, отмеченным в камчатских говорах. Отсутствие ограничительных помет говорит о широком распространении данной лексемы в диалектном языке. Но это не значит, что во всех говорах она функционирует в аналогичном значении. Так, напр., в русских говорах Приамурья лексема получила иное семное наполнение: «Юхта́. Сорт кожи, получаемый на кожевенных фабриках» [8, с. 47].

Для наименования торбазов, сшитых из шкуры без шерсти, в говорах камчадалов используется составное наименование *торбаза́ го́лые*, зафиксированное в шести контекстах, отмеченное в трех камчатских говорах (Кзр., Клч., Кхч), вступающее в варианты отношения со словом *голи́цы*: *Торбасы го́лые – йухтовые, ф сырую погоду. Го́лые торбаза́ для женщин были. Женщины летом носили го́лые торбаза́ ис кожи, с оборками. Летом го́лые торбаза́ носили* (Клч.); *Для мокрости го́лые торбаза́ сили, выделывали шкуру оленя на мялке* (Кзр.); *Те го́лые торбаза́ ш оленьих лапок, камошни торбаза́* (Кхч.). Данное наименование отмечено и в «Словаре русского камчатского наречия»: «Торбаза го́лые. Торбаза без шерсти, со “сбитой шерстью”» [9, с. 47]. В качестве субстантивного компонента данного составного наименования выступает родовое название, а атрибутивный компонент, указывающий на ДП значения, выражен прилагательным *голый*. Прилагательное *голый* в говорах часто используется в составных наименованиях: *кухлянка голая, рукавицы голенские*. Во всех случаях лексема *голый* указывает на особенность материала, из которого сшито изделие, – шкуру без шерсти, кожу. При сопоставлении лексического значения слова в говоре со значением в ЛЯ обнаруживается формальное и семантическое сходство. Но синтагматические свойства прилагательного в ЛЯ и говорах не совпадают: для ЛЯ не характерна сочетаемость прилагательного *голый* с существительными тематической группы «одежда – обувь», что позволяет считать составное наименование *торбаза́ го́лые* диалектным.

Анализ материала показывает, что камчадалы при толковании данной лексемы актуализируют несколько ДС: 1) сезонность использования – «носили летом»; 2) половая закрепленность – «для женщин»; 3) функциональность – «в сырую погоду». Наличие этих ДС объясняется общим значением слова торбаза («обувь, сшитая из шкуры без шерсти, кожи»). Торбоза надевали в сырую погоду (т.к. они не намокали), в летний период (в них не было жарко), их носили и женщины (отсутствие меха делало их легкими).

Лексема *голи́цы* зафиксированная в трех контекстах и отмеченная в одно говоре (Млк.), является диалектным вариантом составного наименования торбаза́ го́лые: *Голи́цы – такие же торбаза́, как и ка́масы, только без йетих, без меха. Го́лые торбаза́ голи́цами называли. Голи́цы – торбаза́ иш шкуры без ворса* (Млк.).

Для наименования торбазов, сшитых из *ка́маса* (шкуры с ног оленя) в говорах камчадалов функционирует составное наименование *торбаза́ ка́мусные* и однословное *ка́масы*.

Наименование *торбаза́ ка́мусные*, зафиксированное в десяти контекстах и отмеченное в говорах шести сел (Квр., Кзр., Клч., Кхч., Млк., Прт.), вступает в варианты отношения со словом *ка́масы*, а синонимов не имеет: *Ка́мусные тарбаза́ ис ка́маса, лытки оленьи обдирают, выделывают и шьют тарбаза́. Ка́мусные торбаза́ только без йетих, без меха. Олени*

лапки снимались и шили торбазá, называли кáмусные (Млк.); Кáмусные торбазá из олений кожи и вокрук подошвы кант. Торбазá у коряк покупали, торбазá были кáмасные и кожаные (Клч.); Брóдни – э́то тарбазá, от слова бродить, с олений кожи; кáмасные тарбазá ис кáмоса (Прт.); Торбазá кáмусные из оленя ноги, как сапоги, шерстью верх (Квр.). Ш олений лапок кáмусные торбазá (Кхч.). Отсутствие атрибутивного компонента в словарях ЛЯ позволяет считать наименование диалектным.

Лексема кáмасы в говорах камчадалов является многозначной: 1. Шкура с ног оленя. 2. Обувь, сшитая из такой шкуры (далее камасы₂). Немаловажно отметить, что чаще всего слово в форме ед.ч. употребляется в 1 значении, а в форме мн.ч. – во 2 значении. Здесь, по видимому, прослеживается принцип аналогии (обувь обозначает парные предметы и поэтому лексемно-наименования обуви употребляются в форме мн.ч. – сапоги, ботинки, туфли). Кáмасы₂ является членом анализируемой подгруппы.

Лексема кáмасы₂ зафиксирована в двадцати одном контексте, отмечена в говорах пяти сел (Анв., Елз., Клч., Млк., Нкл.) и является диалектным номинативным вариантом составного наименования торбазá кáмусные, вступает в вариантные отношения со словами кáмусы, камасá, синонимов не имеет: Кáмасы из нок оленя, абдируют до колен (Квр.); Кáмасы – эта из олений нок (Клч.); Свекрофка шила ис шкуры типа сапок кáмасы. Ис шкур шили торбазá, кáмасы, йчиги, кухлянки. Кáмасы – сапошки, верх бывает короткий и длинный с узором, по верх мех. Кáмасы – сапоги, из оленя шили. Кáмасы – ис кожи торбазá, только лохматые. Кáмасы подвид валенок, шили из оленя. Кáмасы с олений лап, лохматые. Кáмасы были длинные, короткие ис шкурок, наружу мех, а вовнутрь другой мех ложат. Кáмасы были длинные, шили из оленя. Раньше ис шкуры медведя йчиги шили, кáмасы шили из оленя (Млк.); Короткая тёплая обувь, кáмасы из олений лапок, обувь взамен кáтанок (Елз.); Кáмасы сили ходить, коротенькие был (Нкл.); Кáмасы сашить, одежду пастухам (Анв.).

Проанализированные контексты показывают, что камасы могли носить как мужчины, так и женщины: Камасá носили и женщины, они симпатичней, чем торбазá (У-Б.); Камасá на охоту делала до бедер длинные, у зенсин маленькие с оборками. Кáмусы от низу, наверно, шкурку снимают, мужыкам длинные зашивали, а женщинам до колена. Кáмасы – сапошки, верх бывает короткий и длинный с узором, оленя с ножек. Кáмасы шили – это у оленя с ножек, тоже обрабатывали, они делались мягкими, длинные и короткие (Млк.). Заметим, что в диалектной речи камчадалов происходит противопоставление женской и мужской обуви по длине.

Лексема известна не только камчатским говорам, что подтверждается данными словаря В.И.Даля, где она зафиксирована как архангельская, сибирская: «Кáмас, кáмыс. Кисá, шкура с олений ног, на обувь и рукавицы. Иногда самые рукавицы и сапоги (или торбасы) называют кáмасами» [3, т. 2, с. 80]. В.И.Даль указывает на способность лексемно обозначать обувь, сшитую из камаса.

Диалектный лексико-фонетический вариант слова кáмасы – кáмусы зафиксирован в двенадцати контекстах, отмечен в говорах семи населенных пунктов (Длн., Кзр., Клч, Крк., Млк., П-К., У-Б.): Носили раньсе кáмусы из оленьей кози (Клч.); Кáмусы – от низу шкуру снимают, мужыкам длинные зашивали, а женщинам до колена. Кáмусы – это миховые торбазá (Млк.); Кáмусы из олений лап сили, тёплые оцень были, но оцень сыпуции (П-К.); Кáмусы с олений нок (У-Б.); Кáмусы шили, такие сапошки с нок оленя (Крк.); А когда сильные морозы, то носили кáмусы, на сухую погоду, с олений ножек, шерсть гладкая, короткая (Кзр.); Мама шила кáмусы из шкурки оленьей ноги (Длн.).

Диалектным лексико-фонетическим вариантом слова кáмасы является лексема камасá, зафиксированная в десяти контекстах, отмеченная в говорах четырех сел (Длн., Млк., Скч., У-Б.): Вот камасá надел, потом наколенник. Шыли камасá, их шили ламúты, красивые, они бисером обделанные (Млк.); Камасá – обувь, пластают шкурки, сушут, из нок (Скч.); Камасá насили и женщины, они симпатичнее, чем торбазá. Выдывали сами. Шьют камасá с оленьева меха сверху, длинные. Камасá – мех сверху – короткие сапоги (У-Б.); Камасá шили из олений (Длн.).

Все вышеописанные лексемы противопоставляются по ДС «наличие / отсутствие меха»:

Наименование	Наличие меха	Отсутствие меха
Торбаза зимние	+	–
Торбаза камусные	+	–
Торбаза летние	–	+
Торбаза юхтовые	–	+
Торбаза голые	–	+
Голицы	–	+

Одно из центральных мест в РВГ «Названия торбазов» по употребительности как самой реалии, так и лексемы, её обозначающей, занимает слово *брóдни*, зафиксированное в девяноста контекстах и отмеченное в говорах семнадцати населенных пунктов (Анв., Елз., Длн., Квр., Кзр., Клч., Крк., Мал., Млк., Нкл., Прт., Сбл., Скч., Ссн., Тгл., У-Б., У-К.). Лексема *брóдни* вступает в вариантные отношения со словом *брóдники*, составным наименованием *торбазá брóдóвые*, в синонимические – со словом *суту́ри*. В говорах функционирует в значении «Промысловые длинные непромокаемые торбаза»: *Охотники шыли брóдни, типа резиновых сапок. А на рыбалку сапок не было, носили брóдни – по две шкуры шыытые, длинные такие торбазá* (Клч.); *Брóдни – эта тозе торбазá, только долгие* (Млк.); *Ис толстых шкур рыбакам сили брóдни, высокие были* (Длн.); *Ис короф сили торбазá для рыбалки, брóдни называца* (Ссн.); *Брóдни сили ис скуры для музикоф, ходили по воде* (Нкл.); *Брóдни – большие сапоги ис кожи молодняка, рыбачили в их* (Скч.); *Брóдни ис корови шкуры для рыбалки; шыли так, штоп вода ни протикала* (Мал.). Данная лексема известна не только говорам камчадалов. В словаре В.И.Даля находим следующую запись: «Брóдни. Бахíлы. Обычная обувь сибиряка... Рыбачьи бродни, бахилы – сапоги с высокими голенищами, на помочах» [3, т. 1, с. 129].

Для изготовления бродней использовали специальным способом обработанную шкуру: с нее скребком снимали шерсть; для непромокаемости во время обработки (копчения) постоянно смазывали жиром: *Шкуру выделявали вручную: её опскоблют, ложут жыр и свёртывают, потом мнут и мяккая, свёртывают ф трупку и мнёшь долго, сухую опять смазывают и мнут* (Клч.); *Брóдни делали ши шкур, они не пропускали воду и били мяфкие, потому што били прожырёные медвежым жыром* (Млк.); *Брóдни с^шыты с^шо с^шкур с^ш молодых жывотных, с^шют вручную, с^шус^шат, коптят, нерпйчим, медвежым жыром пропитывают* (Квр.).

Составное наименование *торбазá брóдóвые*, зафиксировано в двух контекстах в говоре одного села (Елз.) и является диалектным номинативным вариантом слова *брóдни*: *Брóдóвые тóрбосы – брóдни ис кожи. Торбазá брóдóвые – брóдни* (Елз.).

Лексема *брóдники* зафиксирована в пяти контекстах в говоре двух сел (Квр., Млк.) и является диалектным морфологическим вариантом слова *брóдни* (наличие аффикса не меняет значения слова): *Вместо резиновых сапок шыли брóдники ис шкуры оленя; йеё обрабатывали, спицально мазали жыром, штоп ни протикали. Брóдники – это вроде резинок, их шыли ши шкуры оленя, йеё спицально мазали жыром, штоп ни протикали. В это время не было резинок – резиновые сапоги и вместо них шыли брóдники ши шкуры оленя, йеё обрабатывали: половицу срезали меха и промазывали нерпйчим жыром; шыли жылами, штоп ни пропускали воду, жылы набухали и ни пропускали* (Квр.); *Брóдники зыром медвежым смазывали. Брóдники, как сапоги длинные* (Млк.).

В качестве синонима лексемы *брóдни* в говоре функционирует заимствованное слово *суту́ри*, обнаруженное в п. Слаутное: *Суту́ри – это тозе торбазá, но длинные, внутри привязывась пот коленкой и потянешь наверх, не промакают*. Заимствованность лексемы подтверждают лексикографические источники: «Сотуры. Длинные сапоги из оленьего меха. Вероятно из эвенк. сотуро «наколенники, ноговицы» [10, с. 59]; «Сотуро. Ноговицы из камусов» [11, с. 133].

Необычным видом обуви являются *брóдни горлóвые*. Название данный вид обуви получил по материалу, из которого их шили: материалом для таких бродней служили «горлы» (пищевод морских львов, сивучей). Указание на такой вид обуви находим в записках В.Н.Тюшова: «Камчадалами из пищевода сивуча делают лучшие бродни (без шва), совершенно не пропускающие воду» [12, с. 433], а также в книге В.М.Головнина: «Такие, которые сделанные из горлов морских львов..., а на ногах горловые торбаса» [13, с. 385]. Диалектоносители ещё помнят данное название: *Горлóвые брóдни – эта из горла сивуча длинные торбасá* (Тгл.).

Лексема *ичиги* зафиксирована в двадцати трех контекстах и отмечена в говорах шести населенных пунктов (Кзр., Клч., Кмк., Кхч., Млк., Нкл.), вариантов и синонимов не имеет, является собственно диалектной. Наличие нескольких ДС затруднило толкование лексемы *ичиги*:

1) сезонность использования – «для лета». *А летом у мужыкоф ичиги ис чистой кожи, шыли такие же торбазá, они же лёхкие* (Млк.); *Ичиги с медведя сыли – летня обувфь. Летом другая обувфь была, женицина сами шыли из бычей кози, ичиги называюца* (Клч.);

2) функциональность – «для охоты, рыбалки». *Ичиги музыкам сыла, торбазá до коленей на охоту ходить* (Клч.); *Ичиги наподобие тарбазóф, на рыбалке, когда рыбачили, в воду заходили, ис кожи абделывали. Ичиги охотники носили. Ичиги наподобие торбазóф, их муцины носили на рыбалку* (Млк.); *Ичиги – до коленей торбазá, ходить жса перинóгой, ну на охоту на лижах* (Кхч.);

3) материал изготовления – «из кожи». *Ичиги шыли – торбазá называют ис скуры, ис коровника, телёнка. Летом другая обувфь была, женицины сами шыли из бычей кози, ичиги называюца* (Клч.); *Ичиги наподобие торбазóф, шылись из кожи медведя* (Млк.).

Проанализированные контексты позволили лексему *ичиги* определить как «кожаные торбаза». В «Словаре русского камчатского наречия» эта лексема зафиксирована в более широком значении: «Ичиги (ицики). Вид обуви» [9, с. 69].

В словарях ЛЯ слово не фиксируется, но есть данные, позволяющие говорить о широком распространении лексемы на территории русских говоров. Так, В.А.Моисеева (опираясь на данные картотеки «Словаря русских народных говоров») пишет: «...в уральских, томских, красноярских и забайкальских говорах эта лексема звучит как ичиги – «кожаные сапоги без каблуков», в вятских – ичетки «сафьяновые вышитые башмаки» [14, с. 79]. И.С.Вахрос отмечает, что такая обувь появилась в Древней Руси в XVI в. и называлась *ичетыгами* (*ичетогами, ичедогами*). А слово *ичиги* является стяженной формой и возникло на русской диалектной почве [15, с. 89].

Лексема *алáчки* зафиксирована в одиннадцати контекстах в говорах трех населенных пунктов (Анв., Кзр., Млк.). Слово вступает в варианты отношения с лексемой *алáцики* и является заимствованной. В речи камчадалов функционирует в значении «Легкие летние торбаза из замши (ровдуги)»: *Летом в горах батинки насили, штоп лехко хадить было, йа знаю у ивён называюца алáчки. Это алáчки, лёхкие, лёхкие. Алáчки как тарбазá из ровдуги, мяжкой шкуры. Выделяем козу до замсы, получаюца алáчки. Алáчки – облехчённая обувфь для лета. Алáчки – обувфь, носили такую из замшы* (Млк.); *У ивёноф лёхкая обувфка алáчки, со шкуры, шерсть снимаеца, мяккая, лёхкая* (Кзр.); *Алáчки из летних камусóф, как тапочки* (Анв.).

Говорами камчадалов слово было усвоено из ительменского языка: «Итель. *алачикáн* – вид праздничной обуви из черной ровдуги» [16, с. 43]. В.И.Даль указывает на якутское происхождение слова: «Алáчки, якут. Башмаки черного товара к оленьим голенищам или бахилам, чарки» [3, т. 1, с. 10].

К.М.Браславец зафиксировал данную лексему в двух значениях: «1. Женская домашняя обувь. 2. Торбаза для охоты на барана» [9, с. 23]. Давая первое значение слова, он делает ссылку на работы П.Кузмищева и А.М.Селищева, приводя цитаты из их трудов. Мы не можем отрицать, что в говорах камчадалов не было этого значения в конце XIX – начале XX вв., но на момент нашего исследования слово, по-видимому, его утратило.

Наличие ДС «кожаный» сближает значение лексем *ичиги* и *чиркй*, но из-за малого количества контекстов не представляется возможным сделать вывод об их синонимичности.

Слово *чиркй*, являясь диалектным, было зафиксировано в говоре одного села (У-Б.) в единичном контексте со значением «Сапоги, сшитые из грубой кожи»: *Чиркй как сапоги, ис плоха выделанной кожи* (У-Б.). В МАС лексема *чирки* зафиксирована как областная в значении «Башмаки, туфли» [2, т. 4, с. 927]. В словаре В.И.Даля зафиксированы две лексемы, близкие по звучанию: «Чаркй и чáры (мн.ч.), чарóк (ед.ч.). Обычная сибирская обувь обоих полов, местами в прм., влгд., мужские чаркй, бахилы; женские – чакчуры; род башмаков, с суконною опушкою, очкурой, для вздержки шерстяной же обору или завязки по чулкам, либо по кожаным у́пакам. Чары́ки. кавк. (черевики). Мягкие сапожки или поршни, кáлиги» [3, т. 4, с. 582]; «Чиркй, чй́рки. Черевички, башмаки, шаркуны» [3, т. 4, с. 606].

По данным В.А.Мойсеева, в некоторых говорах распространена лексема с другим фонетическим оформлением – *черки* «легкая кожаная обувь без голенищ на мягкой подошве»: «Помимо иркутских говоров, слово *черки* встречается в вологодских, олонечких, пермских, владимирских, псковских, уральских, тобольских, омских, новосибирских, красноярских, забайкальских, якутских говорах» [14, с. 80]. Вслед за П.Я.Черных, считаем, что *чирки*, *чарки*, *черки* являются фонетическими вариантами одной лексемы: «Возможно, что это черки > чарки : чирки, нечто вроде кожаных сапожков, но без подошвы и каблуков, обувь, распространенная в Сибири и других местах, как полагал и Даль, восходят к тому же корню (м.б. из черевки?)» [17, с. 76]. И.С.Вахрос указывает, что слово *чарыки* (*чарки*, *чирки*) в значении «Обувь типа поршней» употреблялось в древнерусском языке и заимствовано из тюркского языка – *саруа* «кусочек кожи, которым обвязывают ноги; грубая обувь» [15, с. 185-187]. Наличие семы «грубый» сближает значение тюркской лексемы с камчатской.

В исследуемом говоре встретились наименования комбинированной обуви: *унты́* и *ку́лты*, для изготовления которой применяли кожу и мех.

Лексема *унты́* зафиксирована в двенадцати контекстах в говорах шести сел (Анв., Квр., Кзр., Клч., Млк., У-Б) и вступает в синонимические отношения со словом *ку́лты*, вариантов не имеет, является общерусской. Слово *унты* в говорах камчадалов функционирует в значении «Торбаза с кожаными головками и меховыми голенищами»: *Унты́ обычно войлочные подошвы пришиты и голофки такие кожаные* (Млк.). В МАС данная лексема имеет следующее значение: «Меховая обувь на мягкой подошве, распространенная у народов Севера и Сибири» [2, т. 4, с. 681]. Как видим, лексема, представленная в словаре, не вполне совпадает по семантическому объему с той, которая функционирует в камчатских говорах, т.к. значение слова ЛЯ является более широким, при этом в объем значения не включается дифференциальная сема «кожаный». Можно считать, что общерусское слово *унты́* функционирует в говорах камчадалов с другим семантическим наполнением. Данное наименование известно и другим говорам. В.И. Даль в словаре делает помету *сиб.*: «Унты. *сиб.* Хутулы, бахилы, сапоги из замшевой оленины, конины, барловины» [3, т. 4, с. 499].

Лексему *ку́лты* можно считать синонимом слова *унты́*, т.к. при её толковании диалектоносители также указывают на особенность комбинирования материала при изготовлении этого вида обуви: *Ку́лты – торбазá. Здесь перет и подошва как у сапога, а верх камасный* (Клч.); *Ку́лты короче бродней, ис камасóф сверху, внизу кожа. Ку́лты – эта камасные такие голяшки, а ис кожи такие вот передá с подошвой* (Клч.); *Торбазá назывались ещё ку́лты, сами голяшки мохнатые, а тут голые, как сапок* (Кзр.). Лексема зафиксирована в «Словаре русского камчатского наречия» в аналогичном значении: «Ку́лды (ку́лты). Вид торбасов (головки из шкуры без шерсти, а голенища с шерстью)» [9, с. 87]. Отсутствие данного слова в словарях ЛЯ позволяет отнести его к диалектным наименованиям.

Проанализированный материал показывает, что родовое понятие в подгруппе «Названия торбазов» выражено словом *торбазá*, все ее члены находятся в гиперо-гипонимических отношениях. Группа немногочисленна, но достаточно определена по структуре. В центре группы находятся три лексемы *торбазá*, *бродни*, *камасы*, представленные наибольшим количеством употреблений и обширным ареалом распространения. Остальные лексемы находятся на периферии лексического состава группы.

Члены подгруппы вступают в вариантные и синонимические отношения. Проанализированная группа включает восемь общерусских (что составляет 35 %), тринадцать диалектных лексем (что составляет 56 %) и две заимствованные лексемы (что составляет 9 %). У двух лексем (что составляет 9 %) семантическое наполнение в говорах и в ЛЯ не совпадает. В вариантные отношения вступает 69 % проанализированной лексики, синонимические – 31 %.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сороколетов Ф.П. Диалектная лексика как система // Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978. С. 19-28.
2. Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А.П.Евгеньевой. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957. Т. 1-4.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. Т. 1-4.
4. Бархатова О.Т. Из истории бытовой лексики в говорах камчадалов // Лексические единицы и их взаимодействие в говорах Сибири. Межвузовский сборник научных трудов. Красноярск: Изд-во КГПИ, 1988. С. 34-46.
5. Бурыйкин А.А. К проблематике ареальных и этимологических исследований диалектной лексики, заимствованной русскими говорами из языков народов Севера и Сибири // Координационное совещание по проблемам изучения сибирских говоров кафедр русского языка вузов Сибири, Урала и Дальнего Востока. Тезисы докладов 2-4 октября 1991 г. Красноярск: Изд-во КГПИ, 1991. С. 49-50.
6. Народы Сибири / Под ред. М.Л.Левина. М., 1956.
7. Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки: в 2 т. СПб: Наука, П-К.: Камшат, 1994. Т. 1-2.
8. Словарь русских говоров Приамурья. М.: Наука, 1983.
9. Словарь русского камчатского наречия / Под ред. К.М.Браславца. Хабаровск, 1977.
10. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. М., Новосибирск: Наука, 2000.
11. Иванов В.Х. Этнокультурные взаимосвязи и взаимовлияния у народов Северо-Востока Сибири. Новосибирск: Наука, 2001.
12. Тюшов В.Н. По западному берегу Камчатки // Записки Императорского Русского Географического общества. Т. 37. №2. 1906.
13. Головнин В.М. Путешествие на шлюпке «Диана» из Кронштадта в Камчатку в 1807-1811 г. М.: Географгиз, 1961.
14. Моисеева В.А. Из истории названий обуви, распространенных в говорах Иркутской области // Проблемы фонетики и истории Сибирских говоров. Красноярск: КГПИ, 1977. С. 77-82.
15. Вахрос И.С. Наименования обуви в русском языке. I. Древнейшие наименования до петровской эпохи // Ежегодник Института по изучению СССР в Финляндии, Приложение №6-10. Хельсинки, 1959.
16. Историко-этнографическое учебное пособие по ительменскому языку. П.-К.: Изд-во Камшат, 1990.
17. Черных П.Я. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956.

Условные сокращения географических названий

Анавгай – Анв.	Коряки – Крк.	Сосновка – Ссн.
Долиновка – Длн.	Малки – Мал.	Тигиль – Тгл.
Елизово – Елз.	Мильково – Млк.	Усть-Большерецк – У-Б.
Кихчик – Кхч.	Николаевка – Нкл.	Усть-Камчатск – У-К.
Ковран – Квр.	Паратунка – Прт.	
Козыревск – Кзр.	Петропавловск-Камчатский – П-К.	
Ключи – Клч.	Сокоч – Скч.	